

Оригинальная статья
УДК 316.614
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-53-68>

Актуальные задачи социологической диагностики (на примере «Очерков военного времени» К. Мангейма)

Александра Вениаминовна Щербина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Введение. В статье анализируются актуальные возможности диагностики социума в военное время, опирающейся на предметное содержание и методы социологии, как нетривиальной задачи для социологов-преподавателей высшей школы.

Методология и источники. Теоретическими источниками исследования послужили труды классиков социологии (О. Конт, К. Маркс, Э. Фромм, К. Мангейм) и современных российских социологов (М. К. Горшков, С. А. Кравченко, Ж. Т. Тощенко, В. Я. Фетисов), определяющих задачи социологической диагностики. В качестве исторического образца их постановки анализируется «Диагноз нашего времени» К. Мангейма. Эмпирическую базу составили официальные документы Российской Федерации, результаты опросов ВЦИОМ, материалы публичных дискуссий в российских медиа, экспертные оценки и примеры аналитики динамики гражданского общества в условиях специальной военной операции (СВО). Используются методология социокультурного анализа, социального конструктивизма, типологический метод как специфическая исследовательская стратегия, позволяющая формулировать комплексные оценочные суждения.

Результаты и обсуждение. На основе опыта К. Мангейма в статье обсуждаются актуальные возможности социологической диагностики, опирающейся на сущностные характеристики общества. В противоположность технократическим подходам утверждается, что социологический рационализм не сводится к научно-экспериментальному. Он включает в анализ социальной динамики проблематику естественного закона как свой методологический принцип. На этой основе формулируются задачи социологической диагностики: исследование процесса оценивания как фактора социальных изменений, воспроизводящего «кризис оценок». Рассмотрены его механизмы (перенос, преобразование, замена нетрадиционными эквивалентами, создание новых ценностей) и способы обоснования (утилитарное оправдание, вера в лидера, класс, расово-этническая общность). Показано, что целостное понимание сдвигов в системе оценок достигается посредством конструирования идеально-типических понятий, опирающихся на аксиологическое сознание исследователя. Намечается исследовательская стратегия социологической диагностики: собирание образцов, моделей самоопределения в условиях военного времени и их публичный дискурс. Практическое применение социологического знания связывается с созданием ценностно-вероятностных сценариев развития общества как стимулов социально-экономических и политических преобразований.

© Щербина А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Социологический диагноз обществу военного времени требует конструирования концептуальных идей, собирающих образы будущего, которые отвечают приоритетам безопасности, личных свобод и инновационности. Весьма перспективной представляется идея «собирающей», в идеале – соборной демократии.

Ключевые слова: социологическая диагностика, социальные технологии, ценности, кризис оценок, естественный закон, идеально-типические конструкции, модели поведения, образы будущего

Для цитирования: Щербина А. В. Актуальные задачи социологической диагностики (на примере «Очерков военного времени» К. Манхейма) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 53–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-53-68.

Original paper

Actual Tasks of Sociological Diagnostics (on the Example of “Wartime Essays” by K. Manheim)

Alexandra V. Shcherbina

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Introduction. The article analyzes the current possibilities of diagnosing the society of wartime, based on the subject content and methods of sociology, as a non-trivial task for sociologists-teachers of higher education.

Methodology and sources. The theoretical sources of the research were the works of classics of sociology (O. Comte, K. Marx, E. Fromm, K. Manheim) and modern Russian sociologists (M.K. Gorshkov, S.A. Kravchenko, J.T. Toschenko, V.Y. Fetisov), who defined the tasks of sociological diagnostics. The "Diagnosis of Our Time" by K. Manheim is analyzed as a historical example of their formulation. The empirical base was made up of official documents of the Russian Federation, the results of VTSIOM surveys, materials of public discussions in the Russian media, expert assessments and examples of analysis of the dynamics of civil society in the conditions of SVO. The methodology of socio-cultural analysis, social constructivism, typological method is used as a specific research strategy that allows to formulate complex value judgments.

Results and discussion. Based on the experience of K. Manheim, the article discusses the current possibilities of sociological diagnostics based on the essential characteristics of society. In contrast to technocratic approaches, it is argued that sociological rationalism is not reduced to scientific and experimental. He includes the problems of natural law as his methodological principle in the analysis of social dynamics. On this basis, the tasks of sociological diagnostics are formulated: the study of the assessment process as a factor of social change reproducing the “crisis of assessments”. Its mechanisms are considered, – transfer, transformation, replacement with non-traditional equivalents, creation of new values, and ways of justification, – utilitarian justification, faith in the leader, class, racial and ethnic community. It is shown that a holistic understanding of shifts in the evaluation system is achieved by constructing ideal-typical concepts based on the axiological consciousness of the researcher. A research strategy of sociological diagnostics is outlined: collecting samples, models of self-determination in wartime conditions and their public discourse. The practical application of sociological knowledge is associated with the creation of value-probabilistic scenarios for the development of society as incentives for socio-economic and political transformations.

Conclusion. The sociological diagnosis of wartime society requires the construction of conceptual ideas that collect images of the future that meet the priorities of security, personal freedoms and innovation. The idea of a “gathering”, ideally a conciliar democracy, seems very promising.

Keywords: sociological diagnostics, social technologies, values, crisis of assessments, natural law, ideal-typical constructions, behavioral models, images of the future

For citation: Shcherbina, A.V. (2023), “Actual Tasks of Sociological Diagnostics (on the Example of “Wartime Essays” by K. Manheim)”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 53–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-53-68 (Russia).

Введение. Каким может быть вклад социологии в диагноз (от греч. *diagnosis* – «распознавание, различение, определение, решение») нашего военного времени? Социальная теория – не самоцель, «общество как “досадный факт” приходится постигать и в теории, и для практики» [1, с. 50]. В «минуты роковые», во время экстраординарных событий и стремительных социальных изменений потребность в диагнозах и «планах лечения» общества возрастает и в той или иной мере удовлетворяется в условиях острой конкуренции, в меняющемся правовом поле управленцами, лидерами общественного мнения, экспертами, журналистами, блогерами и... преподавателями социологии.

Преподаватель социологии – не проповедник и не политический трибун, но во взаимодействии со студентами в границах предметного содержания социологии и ее способа постановки проблем он неизбежно сталкивается с запросом студенческой аудитории на оценку актуальных событий и не может избегать диагноза «нашего времени» – предположительного, требующего уточнения, но все же содержащего определенность и направляющего ход самостоятельных размышлений студентов, в том числе в контексте их учебной работы, на основе базовых понятий и концептов социологии, ее методов и средств. У социолога есть известное преимущество перед идеологом: критичность, рефлексивность социологического способа мышления (достаточно сравнить интерпретации либерализма в идеологических построениях и в социологическом анализе). Социолог в отличие от идеолога не может демонстрировать свою субъективную убежденность и ссылаться на некую «идею» и веру в нее как на решающий аргумент.

Обратимся к хрестоматийному образцу – опыту диагностики общества военного времени социологом К. Мангеймом и попробуем извлечь из него актуальные для нас уроки. В 1941–1942 гг. К. Мангейм в своих статьях и публичных выступлениях делает попытку «применить метод и запас знаний научной социологии к нашей действительности» [2, с. 28]. Для социологов, работающих в образовательных общественно-государственных структурах, этот опыт поучителен именно тем, что «диагноз нашего времени» адресован молодежи. В гиперинформационном обществе на молодежь обрушивается бесконечное многообразие точек зрения в разных формах подачи. Значение традиционных образовательных институтов (отношения учитель–ученик, способы постановки проблем, привлекаемые средства анализа, формат коллективной работы) в этих условиях особенно возрастает: молодежь должна получать ответы на волнующие ее вопросы не в пропагандистских лозунгах, а в форме знаний о существенных характеристиках эпохи, опирающихся на всемирно-исторический опыт. Задача диагноза «нашего времени», адресованного преимущественно молодежи, – раскрыть

закономерный ход событий, определить тенденции и движущие силы социальных изменений, удержать для социальных представлений молодых вырисовывающийся «образ будущего».

Методология и источники. Социология как особая аналитическая перспектива, сформировавшаяся на пересечении идей утопического коммунизма, политической экономии и философии права, с начала своего возникновения самоопределялась в качестве диагностики современного индустриального, капиталистического общества (с его «болезнями роста»), формирующегося в общественных образованиях традиционного типа и в противоположность им.

Основоположника социологии О. Конта прежде всего интересовало, насколько функциональны (здоровы) основные институты общества, обеспечивающие социальный порядок и прогресс. При этом лечение социальной патологии и прогнозы на будущее ученый связывал с переориентацией всех институтов общества на выработку альтруистических мотивов поведения. К. Маркс рассматривал отчуждение и дегуманизацию человеческих отношений как болезнь капиталистического общества, преодоление которой он видел в его революционном преобразовании и возвращении человека «к своему человеческому, т. е. общественному бытию» [3, с. 237]. Понимание социологической науки как диагностики отразилось в характерных названиях работ выдающихся социологов XX в.: «Диагноз нашего времени» К. Манхейма, «Здоровое общество» Э. Фромма.

С. А. Кравченко отмечает, что большинство социологов – как классиков, так и представителей современной социологической науки, в том числе российской, – считают, что «главной функцией социологии является диагностика общества, раскрытие его очевидных и латентных болезней в виде форм социальной патологии с предложением конкретных средств лечения и прогнозами перспектив укрепления общественного здоровья и утверждения нормальной жизнедеятельности людей [4, с. 184].

На метатеоретическом уровне «контуры диагноза для социологии» определяет В. Я. Фетисов [5]. М. К. Горшков в труде «Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики)» обобщает результаты многочисленных социологических исследований и формулирует задачу социологической диагностики: выявить и объяснить переходные явления и процессы, показать тенденции, динамику их развития в современном российском обществе [6]. Ж. Т. Тощенко сравнивает социолога с социальным врачом, «который проводит анализ и диагностику состояния общественных процессов и на этой основе делает выводы, а если необходимо, и предложения, как поступать в сложившейся ситуации» [7, с. 10]. Возможности социологической диагностики как исследования рисков, уязвимостей, доверия в обществе развивает С. А. Кравченко [8], средства социологической диагностики систем управления исследуются В. В. Щербиной [9].

Претензии социологии на высокий статус и полноту диагностики опираются на ее предметное содержание и метод. Ее предмет – «общество», охватывающее всю совокупность человеческих действий, из которых сплетается ткань общественной реальности. А проблема метода и шире – рациональности обретает полноту смысла именно в социологии, потому что сама идея рациональности рассматривается в ней как социальная проблема. Очевидно, что реализоваться это притязание в принципе может только в коллективной работе,

с разделением труда, в определенных институциональных (аналитические центры при правительствах и корпорациях) и коммуникативных условиях, на основе совершенствующейся техники и преимущества эмпирических исследований.

Согласно данным главы ВЦИОМ, социологическими опросами у нас в стране занимается около 600 компаний, из них государственная – только одна (ВЦИОМ). Слышит ли социологов власть? В. Федоров отвечает: «Конечно, власть учитывает данные опросов населения. Я бы даже сказал, что за последние, наверное, 20 лет я вижу непрерывный рост интереса со стороны властей к данным опросов общественного мнения. Но говорить о том, что сейчас решения принимаются на базе опросов... – нет, этого нет» [10].

Как отечественная социология осуществляет диагностику состояния и тенденций общественных процессов в текущий момент? В традиционной сфере социологических исследований – мониторинге общественного мнения – оперативно накапливается массив информации (результаты массовых опросов, интервью фокус-групп, экспертные оценки) об отношении граждан России к СВО. Отношение интерпретируется как поддержка (планов, решений, лидера), одобрение, доверие, ожидания. Появилась и соответствующая аналитика корреляции показателей поддержки, одобрения, ожиданий с возрастом, полом, местом проживания, уровнем дохода, образования, профессиональным статусом. Интересно, что результаты, полученные (условно) проправительственными и оппозиционными аналитиками, сходны: большинство россиян поддерживают СВО [11–15]. После объявления частичной мобилизации уровень поддержки снизился: социологи зафиксировали неготовность большинства граждан к мобилизации. При этом сохраняется одобрение большинством действий власти в ее геополитическом противостоянии с Западом и в СВО против киевского режима [16, 17].

Каков запас прочности у этой поддержки и как его использовать в качестве ресурса для достижения общественно значимых целей в настоящий момент и в перспективе? В военное время власть и граждане активно предлагают варианты социально-экономической поддержки определенных групп населения, обсуждают культурно-политические образцы и модели индивидуального и группового поведения, приоритеты социальной политики. Позиции артикулируются. Социологии, тестирующей гражданское общество, еще только предстоит выяснить, как актуализируются гражданские позиции различных страт российского общества в условиях СВО. Это область социальной психологии, в которой без неких модельных, идеально-типических понятий (образы войны и мира) и нормативных суждений (что такое гражданская позиция) не обойтись.

Об актуальности «типологического поворота» в социологии, о типологическом методе, трактуемом как специфическая исследовательская стратегия, средство концептуализации и способ диагностики социальной реальности, своевременно рассуждают отечественные социологи [18]. Примером плодотворной постановки задачи в этом плане представляется попытка связать специфику отношения россиян к специальной военной операции на Украине с базовыми моделями социального поведения в российском обществе [19].

Для социологической диагностики *нашего времени* недостаточно представить срезы общественного мнения. Диагноз предполагает выявление тенденций трансформации российского общества в данной уникальной общественно-исторической ситуации, породившей войну и порожденной войной. Специфика диагностики общества военного времени такова,

что анализ объективных факторов социума (рисков) должен быть доведен до анализа субъекта (угроз), способного удержать общественный контроль над этими трансформациями.

Разумеется, задачей социологии не может быть создание идеалов и норм, из которых выводятся рецепты для практической деятельности. От еще более опасного самообмана «будто можно получить практические нормы, обладающие научной значимостью, посредством синтезирования ряда партийных точек зрения или построения их равнодействующей» предостерегал еще Вебер [20, с. 353]. Но это не значит, что оценочные суждения не должны присутствовать в научной дискуссии. Согласно Веберу, как раз «объективно значимым» в социокультурных и политических исследованиях может быть только комплексное оценочное суждение, принимающее во внимание множественность и вариативность культурных значений, которыми руководствуются действующие в истории люди, и базирующееся на ценностном сознании и идеалах самого исследователя.

Результаты и обсуждение. Что побуждает социолога высказывать, рискуя ошибиться, свой диагноз обществу в военное время? Убежденность в том, что военное время – это уникальное стечение обстоятельств, создающее объективные возможности (субъективно значимые для аксиологического сознания исследователя), которые могут быть упущены навсегда, если целеполагание общественного субъекта не реализует их, и гипотеза о становлении общественного субъекта, способного осознать в качестве миссии (целеполагание, соответствующее нравственному выбору общественного субъекта) задачу превращения этой возможности в действительность – создать общество нового типа. Своего рода синергия миссии и возможности, субъективной и объективной тенденций – вот что позволяет исследователю разрабатывать социологические идеально-типические понятия (*laissez faire*, планируемое общество) и включать социологический дискурс в обсуждение жгучих проблем современности.

Опираясь на заданный Вебером способ конструирования типологических понятий, Манхейм поясняет: идеальные типы нужны социологу для понимания противоречивых тенденций, они «не обозначают точно реальность так, как она есть или была, а сознательно подчеркивают черты, соответствующие целям изложения и господствующим в нем оценкам» [2, с. 236].

Война обнажает основные противоречия для общества, групп, индивидов. Все процессы социальной дифференциации ускоряются: распадаются привычные «мысленные связи» и возникают движения общественного мнения, объединяющие вчерашних оппонентов, разрушаются групповые консенсусы и создаются новые, иногда неожиданные, союзы, возникают новые формы самоорганизации и размежевания на уровне первичной социальности. Происходит переоценка ценностей. А практическая необходимость заставляет принимать решения быстро и без колебаний, что требует упрощения ценностных суждений и приводит к их поляризации. Люди оказываются в ситуациях, когда обсуждения откладываются в сторону и возможен только один ответ: «да» или «нет».

Логика борьбы создает (впрочем, на время) естественный консенсус, единство целей, но угроза социального и экономического хаоса на исходе войны (независимо от того, кто будет победителем) и понимание того, что на концептуальном и идейном уровне война не закончится после прекращения боевых действий, диктует необходимость выделять тенденции и описывать сценарии и модели возможных форм, которые примет общество, уже сегодня.

Задача диагноза – не пророчество, а выяснение оснований выдвигаемых в нем утверждений и анализ факторов, определяющих ход событий. Масштаб социальных сдвигов, стремительно происходящих на наших глазах, таков, что именно социологический диагноз (охватывающий все общество) обретает особую злободневность. Манхейм утверждает: «Мы живем в век перехода от *laissez faire* к планируемому обществу. Планируемое общество будущего примет одну из двух возможных форм: либо это будет диктатура с правлением меньшинства, либо новая форма правления, которая, несмотря на сильную власть, будет демократической» [Там же. С. 31]. Отметим молчаливо предполагаемый Манхеймом традиционный контекст реализации этой новой формы власти: гражданское общество и национальное государство.

Первый факт, которому социолог придает огромное культурное значение, – мы живем в массовом обществе. Концепт «массовое общество» начиная с Г. Лебона, Г. Тарда, Х. Ортеги-и-Гассета имеет солидную историю интерпретаций и в различных версиях используется в современном дискурсе глобального, информационного, сетевого и тому подобных типов общества. Формы массового общества исторически индивидуальны. Манхейм употребляет этот концепт нейтрально, обращая внимание на эмпирически наблюдаемые свойства и проявления массового общества, поддающиеся количественной оценке, и формулирует самоочевидный вывод: управление массами потребовало усовершенствования имеющихся и изобретения новых экономических, политических и социальных технологий.

Социальная технология трактуется Манхеймом широко, как совокупность методов, оказывающих влияние на поведение человека и служащих средством социального контроля в руках управляющего субъекта. Сегодня эти методы усовершенствованы и благодаря развитию цифровых технологий частично алгоритмизированы. Тенденции в развитии социальных технологий (возрастание их мощи, скорости, концентрация, централизация управления и контроля, массовое производство, в том числе мнений, социальных представлений и идей) создают предпосылки и увеличивают шансы правления меньшинства и перехода от демократической формы правления к тоталитарной диктатуре. В XIX в. социальные технологии были еще недостаточно эффективны, а потому правящие элиты (землевладельческая аристократия) вынуждены были вступать в союз с низшими классами, чтобы реализовывать свои интересы. Сегодня такой необходимости нет...

Манхейм выдвигает тезис, который впоследствии неоднократно воспроизводился в различных технократических концепциях общества (Д. Бэлл, О. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт): изменения в принципах и методах управления обществом, основанные на достижениях науки и технологий, модифицируют экономическую структуру и социальную стратификацию в значительно большей степени, нежели «изменение идей в умах человечества».

В отличие от исследователей, приверженных технократической вере и разделяющих идею замены политической власти управлением на основе рационального научного знания, Манхейм показывает, что рациональность, в том числе научная, сама по себе не является социальной категорией и синонимом справедливости. Он предпринимает социологический анализ типов рационализма, конкурирующих в притязаниях на универсальность. Так называемый томистский рационализм, рассматривающий социальные институты с точки зрения их общественно значимых (в противоположность частному или групповому интересу) функций,

имеет свои достоинства. Его преимущества – в строгости, системности, но он демонстрирует теоретическую и практическую беспомощность перед новыми формами коллективизма и интеграции в эпоху, когда иерархия уступает место взаимосвязанности и взаимозависимости. Ему противоположен индивидуалистический (динамический) рационализм, претендующий на объяснение мира, исходящее из личного опыта. Собственно научный, экспериментальный рационализм, готовый изменить гипотезу, если новые факты и опыт не укладываются в старую схему. Направленный на практическое приложение, обеспечивающий развитие технологий и инновационные процессы в обществе, он имеет свои границы в сфере социогуманитарного знания. Манхейм предостерегает позитивистски ориентированных исследователей. Научный метод (как воплощение рациональности), как «приспособление всей нашей системы мыслей к все расширяющейся сфере опыта, становится, будучи примененным к человеческим делам и вопросам морали, самым большим затруднением для современного человека» [2, с. 164]. В сфере морали это ведет к утрате идеи обязывающего нравственного закона, бездумному поведению, требованию все новых ощущений.

После утраты фундаментального значения естественного закона (единства духовных оснований) само по себе познание законов природы и развитие технологий несет угрозу человеческому существованию. Понимание закона тройко: естественный закон (как божественная печать в человеке, его нравственная природа), закон природы, познаваемый с помощью экспериментального метода, который мы пытаемся применить к познанию социальной жизни, общества, личности (место теологии заняла социология, «человекобог» Конта отменил «Богочеловека»), и, наконец, законы государства, правовые механизмы (как некий слепок естественного закона). Познание, не требующее опоры на нравственную (общественно-политическую) природу человека, втягивает его во внешние и внутренние войны. Человек создает технологии, которые всегда (даже если это сначала неочевидно) имеют двойное назначение: познавая внешний мир, человек одновременно производит средства производства и средства уничтожения. Законы и их применение (правовые механизмы) позволяют согласовывать общественные интересы, но не указывают на перспективу для общества и личности.

Социологический рационализм в отличие от естественно-научного не может не включать в анализ текущих тенденций социальной динамики проблематику естественного закона как постоянное условие исследования, как условие самого субъекта. В культурно-исторических традициях естественный закон представлен имманентно, а в рефлексии мы должны возвести его в методологический принцип. В противном случае в анализе утрачиваются ценностное ядро и «сакральная» роль государства и его институтов как способов развития социальных групп и личностей.

В современном обществе истощилась главная интегрирующая сила – духовное (морально-религиозное) единство. Секулярные конкуренты религии – либерализм и коммунизм, – тотальные, в терминологии Манхейма, идеологии, предлагающие обществу псевдорелигиозную интеграцию посредством общей цели и устремленные в будущее, сами столкнулись с выросшими на их основе расистскими, фашистскими, националистическими идеологиями. Их авторы и адепты разжигают конфликты в обществе и, используя социальные технологии, создают эффективные стратегии (например, «групповая стратегия»

нацизма, проанализированная Манхеймом), мотивирующие дезорганизованную личность. Картина болезни современного общества описывается Манхеймом как кризис оценок. Терпимый в мирное время хаос оценок препятствует идейной консолидации, столь необходимой обществу в войне.

Социология, возникшая на пересечении утопического социализма и политической экономики, смогла поставить вопрос о влиянии различных социальных условий, включая изменения экономического строя, технологического уклада, классовой структуры, социальных технологий, на создание и распространение ценностей. Социологу интересно, как ценности, опосредованные индивидуальным и групповым опытом, становятся нормами, действующими в исторически индивидуальных практических обстоятельствах. Как они актуализируются в индивидуальных (и групповых) оценках, которые частично выражают ценности как субъективные ориентации индивида, его предпочтения в ситуации выбора, а частично – объективные нормы. В оценках выражается некий баланс желаний индивида (или группы) и требований общества. Процесс оценивания в этом смысле сам является аспектом социальных изменений и способом социального контроля, а социология, изучая его условия и движущие силы, вносит вклад в возможность управлять им.

Манхейм выделяет основные социальные изменения, повлиявшие на механизмы оценочной процедуры, и главные факторы, дезорганизуя систему оценок. При разрушении социальных образований традиционного типа происходит создание новых ценностей, полная реформа ценностной системы, перенос традиционных ценностей в новую форму социальной организации, их преобразование, замена их нетрадиционными эквивалентами. Анализируя сам процесс оценивания, автор следует сложившейся в социологии традиции различения первичных и вторичных групп (Ф. Теннис, Ч. Кули). Он развивает анализ процессов социальной дифференциации, начатый Г. Зиммелем. Последний много внимания уделял тому, как чисто количественное расширение группы порождает объективную и субъективную дифференциацию ее членов и влияет на всю систему оценок, трансформируя социальные представления об индивидуальной и коллективной вине и ответственности [21].

Первый фактор, выделяемый Манхеймом, – это быстрое бесконтрольное расширение общества, заставляющее переносить ценности из одной сферы соотнесения в другую. Возникновение институтов, воплощающих абстрактные принципы, соответствующие первичным добродетелям (равные политические права граждан в современных государствах – это абстрактные эквиваленты конкретных первичных добродетелей симпатии и братства), «заставляют систему ценностей функционировать еще раз». Вместе с тем этот перенос может иметь и негативные последствия: ценности, приспособленные для ориентации поведения индивида в группах первичной социальности, неадекватны большому обществу. Образование, необходимое личности для семейной жизни и добрососедства, недостаточно для того, чтобы быть гражданином своей страны и ориентироваться в мире. Одна и та же тенденция, которая при небольших размерах социального круга была положительной, с расширением его оказывается отрицательной, что влечет трансформацию всей системы оценок. Характерный пример – идея частной собственности. Когда-то «это было справедливое и творческое средство», в докапиталистических обществах закон собственности означал лишь защиту орудий труда человека, делающего общественно-полезную работу. Напротив, в эпоху

промышленного капитализма и НТП частная собственность на средства производства подразумевает эксплуатацию большинства меньшинством. Надвигающийся так называемый инклюзивный капитализм вновь заставляет нас проводить переоценку ценностей, переосмыслить понятия и частной, и общественной собственности.

В массовом обществе возникают новые формы коллективной и личной ответственности. Размываются границы между ареалами ценностей, рушатся иерархии и сами шкалы оценок. В одной социокультурной среде сосуществуют противоречащие мировоззренческие идеи религии любви и всеобщего братства, либеральные идеи свободы как автономии личности, социалистические идеи планирования и социального равенства, идеи этнорасового и национального превосходства. Различия в оценках касаются принципов добродетельной жизни, желаемых форм общественной организации. Стремительно меняются эстетические критерии, представления о значимости труда и досуга. Отсутствует нормативная модель человеческого поведения и воспитания (дилеммы ориентации на успех или служение обществу, на аскезу или самовыражение – узнаваемые примеры). При таком хаосе ценностных ориентаций невозможно создать общепринятые представления о войне и мире, о соотношении свободы и дисциплины, труда и досуга, о семье, сексе, детях, о принципах и целях социальной политики... «У нас нет даже единого мнения относительно того, хорошо это или плохо, что его у нас нет», – восклицает Манхейм [2, с. 48]. Отметим характерную динамику: возобладавшее одно время одобрение ценностного нейтралитета на наших глазах сменяется воинствующими притязаниями меньшинств.

Межкультурное взаимодействие, возросшая социальная мобильность, информационные технологии – все это перемешивает и изменяет ценности. «Сегодня наша система ценностей включает самые разнородные влияния, причем нет ни техники посредничества между ценностями, ни времени на реальное их усвоение» [Там же. С. 56]. Индивид оказывается в парадоксальном положении: на него возлагается «личная ответственность», необходимость даже в простейших ситуациях выбирать между различными моделями поведения и оценок. Это психологически переживается как неуверенность, страх и питает «мольбу о диктате ценностей».

В социальной сфере, полагает Манхейм, произошел своеобразный коперниканский переворот: теперь создание ценностей, их принятие основаны на сознательной оценке. Индикаторами этого переворота стал дискурс ценностей, их широкое обсуждение, но его последствия неоднозначны и не продуманы нами. Одновременное действие множества ценностных перспектив ориентации поведения приводит к тому, что они взаимно нейтрализуют свое влияние на индивида. Лишившись возможности предвидения, индивиды погружаются в социальную слепоту. Наступает эпоха мировоззрений, переоценки ценностей, нигилизма. Этика ответственности (предвидение последствий своих действий и сознание ответственности за них) может быть жизненной этикой только в определенных социальных условиях. В эпоху расширения обществ, изменения их границ, возросшей социальной мобильности, смешения культур, гиперинформации она сменяется этикой мировоззрения, востребованным оказывается оправдание ценностного выбора (или отказа от него) ссылкой на констелляцию мотивов.

Когда нет признанной системы ценностей, власть рассеивается, методы оправдания ее решений становятся произвольными и никто не несет ответственности. Отказ от естественного (божественного) закона, а затем и расщепление просветительского «рацио» вызвало к жизни новые способы обоснования ценностей, допускающие бесконечные произвольные притязания. Тоталитарное оправдание ценностей, ссылающееся на их полезность, соседствует с верой в лидера, класс, расово-этническую группу и опирается на социал-дарвинистские теории вечной борьбы между классами, расами, элитами.

Тщательное исследование факторов, определяющих спонтанность оценок в данной исторически индивидуальной (конечной) ситуации, – задача и социологии, и психологии. Благодаря достижениям социальной психологии XX в. мы понимаем, что невозможно обосновать ценности только рациональными аргументами. Ценности транслируются в ритуалах и образах, в «парадигмальном опыте». Субъективно значимое обоснование ценностей – это психологический, а не логический процесс, он опирается на веру, убеждения, представления, чувства и иррациональные (бессознательные) силы. Социолог в своих аналитических конструкциях (позволяющих делать эмпирические обобщения) воспроизводит это обоснование в «чистом виде», в мысленных логических связях. Во время войны баланс сознательных и бессознательных сил, действующих в обществе, нарушается. Тем более возрастает роль рационального социологического анализа.

Война обнажает переходный характер нашего времени. Старые механизмы, которые автоматически регулировали процедуру оценок, сломаны. Они могут технически использоваться в «стратегических действиях» (типология Ю. Хабермаса), в «групповых стратегиях» (расизма, нацизма, фашизма, сегодня – в стратегиях самопродвижения меньшинств). Таким образом создается видимый групповой корпоративный фасад, маскирующий правление меньшинства. Невмешательство в процедуру оценки, уклонение от дискуссии о «материальном» содержании общих целей и ценностей, вменяемая толерантность ведут к пассивности и создают почву для диктатуры, которая легитимизирует себя, ссылаясь на то, что мобилизованное войной общество особенно нуждается в согласованности действий. В противоположность *laissez faire* воинствующая демократия откажется от нейтралитета в вопросах о ценностях, она «будет откровенно высказывать свое мнение в отношении некоторых общих для всех ценностей и, с другой стороны, она предоставит отдельным индивидам свободу выбора и решений» [Там же. С. 92].

Обсуждая дилемму тоталитаризма и демократии и отдавая симпатии последней, Манхейм приводит социологические аргументы в пользу планирования («ради свободы») самого процесса оценивания. Вклад (и задача) социологии состоит в изучении условий, при которых прерывается процесс усвоения ценностей, возникают разногласия, нарушаются групповое приспособление и примирение ценностей, затрудняется стандартизация поведенческих моделей. Социолог исследует методы, которые позволяют снизить разногласия, наметить перспективы, совмещающие категории разных миров опыта. Фиксируя сдвиги в системе индивидуальных и групповых оценок (во время войны они происходят стремительно), осуществляя сравнительный анализ, социолог пытается выяснить, что именно является в этих системах общим и потенциально движущимся, обеспечивает устойчивость обществу в целом, имеет потенциал роста и субъектности, – кто именно способен выстраивать перспективу для согласованной политики в отношении ценностей.

Смысловое ядро этих «общих для всех ценностей» содержится, согласно Манхейму, в культурной традиции западной цивилизации. В этом пункте наглядно проявляется идеологическая ограниченность самого Манхейма. Третий путь как возможность не поддаться крайностям тотальной регламентации, с одной стороны, и полной дезинтеграции системы, с другой, прокладывается гегемоном (Великобритания), «разрабатывается в англо-саксонских демократиях», а затем в качестве образца продвигается для всего мира.

Современный исследователь имеет дело с уникальным объектом, – с фундаментальным историческим (геополитическим, антропологическим) переходом. Завершается традиционный человек (антропологическое обоснование устройства мира), завершается история (С. Хантингтон недавно заявил о подтверждении правильности своего прогноза 30-тилетней давности о наступлении конца истории [22]). Способна ли социология в этих условиях перехода не только собрать факты, но и получить целостную эмпирическую информацию, выяснить, насколько многообразие социальных феноменов, включая преобладающие ценности, зависит от меняющегося социального процесса, и предложить синтетическую картину нашей исторически индивидуальной ситуации, которая покажет, «где мы находимся» и «куда мы идем»?

Манхейм на вопрос о том, «может ли социологический диагноз внести свой вклад в формирование общей политики», отвечает утвердительно. Социологический диагноз (психология тоже важна) включает анализ социальной динамики личности, общества, государства – условий, средств, технологий, потребностей, мотивов и целей. В результате соотнесения и интеграции разных аспектов частичного индивидуального и группового опыта возникает сложная аналитическая картина, но целостное понимание ситуации достигается только в конструктивном поиске нового направления развития событий (тенденции), на основе новых конструктивных идей (идеально-типических понятий). В век перехода социология сохраняет свое задание собирать и описывать социальные факты, но сталкивается с вызовом: нужно прояснить, насколько средства анализа и язык, выработанные в уходящую эпоху, адекватны для описания перехода. И здесь не обойтись без философии, дающей логико-методологические средства такой рефлексии.

Противоречий и конфликтов за истекшие после размышлений К. Манхейма 80 лет меньше не стало, а взаимозависимость конфликтующих субъектов внутри обществ и в межгосударственных отношениях значительно возросла. Технологическое развитие, усовершенствования социальной технологии, глобальный информационный контур несут новые угрозы, а хаос оценок, о котором говорил Манхейм, стал намного глубже. Тем настоятельнее потребность в духовном единстве. Война предельно обнажает политическую природу человека (как ее понимал Аристотель). Для современного сознания эта природа не выводима однозначно ни из нравственного закона, ни из форм правления. Хаос оценок сегодня не преодолевается их поляризацией и победой одной из сторон. Расколы (и объединения) многомерны, и интегрирующие силы должны действовать одновременно по нескольким направлениям. Синтез проблематичен, идейный синкретизм и эклектизм неизбежны. Искомое духовное единство как смысловое ядро ценностно-нормативного порядка возможно определить только как сложное многообразие. В социологии оно описывается суждениями (связанными с аксиологическим сознанием исследователя) об общественно-исторической сущности человека и возможных формах социально-экономического и социально-политического устройства его жизни.

Манхейм сформулировал очень актуальную для нашей социологии методологическую идею. Социолога, в отличие от философа и теолога, интересует, как разделяемые в обществе базовые ценности (добродетели, этические нормы) действуют в исторически индивидуальных конкретных обстоятельствах. Нравственные принципы истолковываются в социологии не как «должно» и «запрещено», а в некоторых ценностно значимых образцах формирования личности, в моделях поведения, в парадигмах самоопределения в совокупности складывающихся обстоятельств. Уникальность военного времени в том, что эти образцы в инициативном порядке публично предъявляются обществу (герои нашего времени и антигерои), становятся предметом обсуждения и оценки, ориентированной на образ будущего. «Собирание» таких моделей, своего рода маркетинг моделей личностного и группового самоопределения и их дискурс – актуальная задача социологии нашего военного времени. Социологическое знание при таком подходе становится методом создания ценностно-вероятностных сценариев развития общества как стимулов для социально-экономических и политических преобразований.

Заключение. Сегодня мы исходим из того, что «третьих путей» много и они своеобразны и уникальны, что историческое время нелинейно, что разные модели демократии существуют в одном социальном пространстве, наконец, что иерархия уступает место взаимозависимости. Современные (как западные, так и незападные общества) уже не описываются только дилеммами *laissez faire* и планируемого общества, тоталитарной диктатуры и воинствующей демократии. Сбываются прогнозы Ф. Полака об опасности, угрожающей западным либеральным обществам: «Уникальная последовательность поражающих воображение образов будущего иссякнет и перестанет пополняться» [23, р. 11]). Нам нужны новые понятия и новый язык описания актуального перехода. И освобождение от «дискурсивного подчинения» (М. Фуко). Впечатляющие примеры такого рода попыток демонстрирует Китай: «китайская мечта», «пояс и путь», «социализм с китайской спецификой». Заметим, что авторство этих концепций приписывают «наставнику трех императоров» Ван Хунину. Занимаясь научно-педагогической и исследовательской деятельностью (включая полевую социологию), он уже в 80-е гг. XX в. настаивал на поиске новых интегративных идей, которые объединят традиционные китайские ценности с западным и марксистским мировоззрением и позволят в перспективе совместить традиционную высокую культуру, эффективную экономику и сильное государство [24].

Социологический диагноз обществу военного времени требует конструирования концептуальных идей, собирающих образы будущего, которые отвечают приоритетам Безопасности, личных свобод и инновационности, и их публичного обсуждения. Весьма перспективной в этом контексте представляется идея собирательной, собирающей, в идеале – соборной демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социол. журн. 1994. № 4. С. 50–68.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. Очерки военного времени, написанные социологом / под ред. С. Я. Левит, П. С. Гуревича; пер. с англ. С. В. Карпушиной. М.: ИНИОН, 1992.
3. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Социология. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. С. 177–325.

4. Кравченко С. А. Социологическая диагностика М.К. Горшкова: достоверное знание о российском обществе // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 183–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.13>.
5. Фетисов В. Я. Контуры диагноза для социологии // Социол. исслед. 2022. № 9. С. 14–28. DOI: [10.31857/S013216250022304-7](https://doi.org/10.31857/S013216250022304-7).
6. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011.
7. Тощенко Ж. Т. Социология как наука // Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 10–12.
8. Кравченко С. А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М.: МГИМО, 2016.
9. Щербина В. В. Средства социологической диагностики в системе управления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
10. Федоров В. Об отношении россиян к СВО, эффекте объединения вокруг флага // ВЦИОМ. 18.05.2022. URL: <https://wciom.ru/sobytie/valerii-fedorov-v-intervju-rtvi-rasskazal-ob-otnoshenii-rossijan-k-svo-ehffekte-obedinenija-vokrug-flaga> (дата обращения: 27.10.2022).
11. Информационная война вокруг специальной военной операции // ВЦИОМ. 08.04.2022. URL: <https://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 27.10.2022).
12. Россияне и СВО // Полит.ру. 10.04.2022. URL: <https://polit.ru/news/2022/10/04/svo/> (дата обращения: 27.10.2022).
13. Социологи составили портреты сторонников и противников спецоперации // РБК. 18.05.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/05/2022/62825a8f9a794718abe8560f> (дата обращения: 27.10.2022).
14. Эксперты обсудили трансформацию образа героя в сознании граждан страны // Лента.ру. 21.07.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/21/geroi/> (дата обращения: 27.10.2022).
15. Всероссийский опрос патриотических слоев общества об отношении к СВО // Харьков.ру. 19.09.2022. URL: <https://news-kharkov.ru/society/2022/09/19/18427.html> (дата обращения: 27.10.2022).
16. Федоров В. Наш народ одинаково готов и к взятию Киева, и к мирным переговорам // ВЦИОМ. 24.10.2022. URL: <https://wciom.ru/sobytie/glava-vciom-valerii-fedorov-nash-narod-odinakovo-gotov-i-k-vzjatiju-kieva-i-k-mirnym-peregovoram> (дата обращения: 27.10.2022).
17. Конфликт с Украиной: октябрь 2022 года // Левада-центр. 27.10.2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/10/27/konflikt-s-ukrainoj-oktyabr-2022-goda/> (дата обращения: 27.10.2022).
18. Татарова Г. Г., Кученкова А. В. Востребованность «типологического поворота» в эмпирической социологии // Социол. исслед. 2022. № 7. С. 28–40. DOI: [10.31857/S01321625019758-6](https://doi.org/10.31857/S01321625019758-6).
19. Громакова В. Г. Специфика отношения к специальной военной операции на Украине как проявление базовых моделей социального поведения в российском обществе // Гуманитарий юга России. 2022. Т. 11 (54), № 2. С. 68–77. DOI: [10.18522/2227-8656.2022.2.5](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.5).
20. Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
21. Зиммель Г. О коллективной ответственности // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 322–348.
22. Fukuyama F. More Proof That This Really Is the End of History // The Atlantic. 17.10.2022. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/10/francis-fukuyama-still-end-history/671761/> (дата обращения: 27.10.2022).
23. Polak F. The Image of the Future. Leyden: Sythoff; NY: Oceana Publ., 1961.

24. Федотов А. Товарищ Ван Хунин. Ответственный за съезд «наставник трех императоров» // RTVI. 20.10.2022. URL: <https://rtvi.com/stories/tovarishh-van-hunin-otvetstvennyj-za-sezd-nastavnik-treh-imperatorov/> (дата обращения: 27.10.2022).

Информация об авторе.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.11.2022; принята после рецензирования 10.11.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

REFERENCES

1. Archer, M. (1994), "Realism and morphogenesis", *Sociological J.*, no. 4, pp. 50–68.
2. Mannheim, K. (1992), *Diagnosis of our time: wartime essays of a sociologist*, in Levit, S.Ya. and Gurevich, P.S. (eds.), Transl. by Karpushina, S.V., INION, Moscow, RUS.
3. Marx, K. (2000), "Economic and philosophical manuscripts of 1844", *Sociology*, Kanon-press-TS, Kuchkovo pole, Moscow, RUS, pp. 177–325.
4. Kravchenko, S.A. (2017), "Sociological diagnostics by Mikhail Gorshkov: valid knowledge of Russian society, prognoses of its future", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 183–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.13>.
5. Fetisov, V.Ya. (2022), "Contours and Strokes to a Portrait of Sociology", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 14–28. DOI: 10.31857/S013216250022304-7.
6. Gorshkov, M.K. (2011), *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics)], Novyi khronograf, Moscow, RUS.
7. Toshchenko, Zh.T. (2009), "Sociology as a science", *Tezaurus sotsiologii. Tematicheskii slovar'-spravochnik* [Thesaurus of sociology. Thematic dictionary-reference], in Toshchenko, Zh.T. (ed.), YuNITI-DANA, Moscow, RUS, pp. 10–12.
8. Kravchenko, S.A. (2016), *Sotsiologicheskaya diagnostika riskov, uyazvimostei, doveriya* [Sociological diagnostics of risks, vulnerabilities, trust], MGIMO, Moscow, RUS.
9. Shcherbina, V.V. (1993), *Sredstva sotsiologicheskoi diagnostiki v sisteme upravleniya* [Means of sociological diagnostics in the management system], Izd-vo Moskovs. un-ta, Moscow, RUS.
10. Fedorov, V. (2022), "About the attitude of Russians to their own, the effect of unification around the flag", *VCIOM*, 18.05.2022, available at: <https://wciom.ru/sobytie/valerii-fedorov-v-intervju-rtvi-rasskazal-ob-otnoshenii-rossijan-k-svo-ehffekte-obedineniya-vokrug-flaga> (accessed 27.10.2022).
11. "Information war around a special military operation" (2022), *VCIOM*, 08.04.2022, available at: <https://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voyna-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii> (accessed 27.10.2022).
12. "The Russians and the Special Military Operation" (2022), *Polit.ru*, 10.04.2022, available at: <https://polit.ru/news/2022/10/04/svo/> (accessed 27.10.2022).
13. "Sociologists have compiled portraits of supporters and opponents of the special operation", (2022), *RBC*, 18.05.2022, available at: <https://www.rbc.ru/politics/18/05/2022/62825a8f9a794718a6e8560f> (accessed 27.10.2022).
14. "Experts discussed the transformation of the image of the hero in the minds of citizens of the country" (2022), *Lenta.ru*, 21.07.2022, available at: <https://lenta.ru/news/2022/07/21/geroi/> (accessed 27.10.2022).

15. "All-Russian survey of patriotic strata of society about the attitude to a special military operation" (2022), *Kharkov.ru*, 19.09.2022, available at: <https://news-kharkov.ru/society/2022/09/19/18427.html> (accessed 27.10.2022).

16. Fedorov, V. (2022), "Our people are equally ready for the capture of Kiev and for peace negotiations", *VCIOM*, 24.10.2022, available at: <https://wciom.ru/sobytie/glava-vciom-valerii-fedorov-nash-narod-odinakovo-gotov-i-k-vzjatiju-kieva-i-k-mirnym-peregovoram> (accessed 27.10.2022).

17. "Conflict with Ukraine: October 2022", (2022), *Levada Center*, 27.10.2022, available at: <https://www.levada.ru/2022/10/27/konflikt-s-ukrainoj-oktyabr-2022-goda/> (accessed 27.10.2022).

18. Tatarova, G.G. and Kuchenkova, A.V. (2022), "The demand for the "typological turn" in empirical sociology", *Sociological Studies*, no. 7, pp. 28–40. DOI: 10.31857/S013216250 019758-6.

19. Gromakova, V.G. (2022), "The specifics of the attitude to the special military operation of the Russian federation in Ukraine as a manifestation of basic models of social behavior in Russian society", *Humanities of the South of Russia*, vol. 11 (54), no. 2, pp. 68–77. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.2.5.

20. Weber, M. (1990), "The objectivity of socio-scientific and socio-political cognition", *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Transl. by Davydov, Yu.N., Progress, Moscow, USSR, pp. 345–415.

21. Simmel, G. (1996), "On collective responsibility", *Izbrannoe. Sozertsanie zhizni* [Favorites. Contemplation of life], vol. 2, Yurist, Moscow, RUS, pp. 322–348.

22. Fukuyama, F. (2022), "More Proof That This Really Is the End of History", *The Atlantic*, 17.10.2022, available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/10/francis-fukuyama-still-end-history/671761/> (accessed 27.10.2022).

23. Polak, F. (1961), *The Image of the Future*, Sythoff; Oceana Publ., Leyden, NY, USA.

24. Fedotov, A. (2022), "Comrade Van Hunin. Responsible for the congress "mentor of the three emperors", *RTVI*, 20.10.2022, available at: <https://rtvi.com/stories/tovarishh-van-hunin-otvetstvennyj-za-sezd-nastavnik-treh-imperatorov/> (accessed 27.10.2022).

Information about the author.

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy, 1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.11.2022; adopted after review 10.11.2022; published online 22.02.2023.